

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАРАРЕАЛЬНОСТИ НЕВЕРБАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Юркевич Елена Николаевна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой логики

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
Украина, г. Харьков

Лаптинова Юлия Ивановна

преподаватель кафедры иностранных языков

Харьковский национальный экономический университет имени С. Кузнеця
Украина, г. Харьков

Человек в процессе социальных взаимодействий наделяет весь предметный мир значениями. «Общество рисуется Барту как организм, непрестанно секретизирующий знаки и с их помощью структурирующий действительность» [1.С.11]. Язык формирует образ действительности в сознании субъекта, который является условным, виртуальным, однако это та реальность, «которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость» [2.С.38]. Создаваемая людьми дискурсивная реальность обладает огромной символической властью (силой смыслового воздействия) – возможностью создавать и навязывать определенные представления, мнения, ассоциации, формировать ценности, жизненные установки, идеалы, мотивы поведения. Человек вынужден приспосабливаться не к окружению, а к «псевдо-окружению», которое им управляет [4.С.14].

Социальная реальность (как система символических значений) постоянно развивается, поскольку производится индивидуумами совместно в процессе разговора и социальных практик. Общаясь, мы слушаем не только словесную информацию, но и смотрим в глаза друг другу, воспринимаем тембр голоса, интонацию, мимику, жесты. Наряду с процессом обмена вербализованными смыслами, все время идет обмен невербализованными содержаниями. В конструировании реальности, по мнению Бурдьё, играет роль и отбор средств передачи содержаний [3.С.48]. Именно на отборе средств передачи содержаний (контента), а не только на отборе событий и фактов, конструируется реальность [Там же]. Передаваемая информация может воплощаться в самых разных знаковых системах. «Слово (и текст) стали рассматривать лишь как частное выражение более широкого понятия – знака. Платье, поза, жест могут быть красноречивее слов, это – "невербальные тексты"» [Там же]. Следовательно, у массмедиа есть неограниченные как языковые, так и неязыковые возможности по конструированию образа познаваемых предметов и событий в сознании субъектов. Изучение неязыковых средств, с помощью которых конструируется социальная реальность, представляет собой особую проблему социальной философии, рассмотрение которой актуализируется в связи с необходимостью противостоять силе воздействия невербальных текстов (дискредитировать властное, манипулятивное воздействие невербальных текстов) с целью сопротивления манипулированию и утверждения свободы мышления.

Цель статьи – раскрыть нелингвистический механизм медийного конструирования социальной реальности и проследить влияние последней на форму социальных взаимодействий.

Понять внутреннее устройство (манипулятивную силу) нелингвистического механизма возможно при использовании аналитических теоретических средств современной семиотики. Современные методики исследования невербальных практик масс-медиа представлены в работах Р. Барта, П. Бурдьё, Ж. Лакана, М. Фуко, У. Эко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой.

Социальная реальность дискурсивно конструируется с помощью определённых понятийных средств, т. е. языка, который предоставляет категории для интерпретации явлений социального мира. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания. Между тем, в объективной действительности остается то, что не может быть логически организовано, упорядочено и представлено в дискретном виде. Определенная часть концептов индивидуального сознания не подлжит вербализации. Такие элементы действительности, которые остаются вне упорядоченности и вне дискретности, «присваиваются» невербальным мышлением. Подвергаясь переработке на невербальном уровне, они составляют сферу бессознательного, которая презентуется в иной, нелингвистической семиотической системе, которая также влияет на поведение и без которой была бы невозможна адаптация в целостном мире. Действительность же в результате параязыкового воплощения становится знакомой, узнаваемой паралингвистической (недискурсивной) знаковой системой. Таким образом, невербалика предстаёт средством доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Вербальный язык, таким образом, является наиболее развитым, но не единственным средством общения и объективации реальности. Слова хорошо подходят для передачи логической информации. В то же время, чувства лучше передаются невербально. Согласно оценкам ученых 60% информации, передающейся при эмоциональном общении, проходит по невербальным каналам коммуникации. Речь выступает как конкретный способ закрепления и передачи знания о себе и мире в виде обобщенных понятий. Несловесная (бессловесная) речь выступает способом закрепления и передачи содержаний в виде паралингвистических знаков (интонация, тембр). Специфика языковой номинации в том, что любой индивидуальный предмет (вещь, мысль, эмоция) подво-

дится под общие категории, а последние не умеют улавливать и удерживать «интимное», «неповторимое» и т. п. Номинация как бы «изображает» свой предмет, называет, именуется, но не «выражает», не способна «выражать», передавать боль или радость, полноту и неповторимость переживаний, мыслей. Передать спонтанную эмоцию можно только невербаликой – при помощи живого жеста, взгляда, интонации. Слова все время сопровождаются паралингвизмами, а значит коннотируются дополнительными представлениями, вызывают целый комплекс коннотативных образов.

Невербальные знаки отличаются от словесных тем, что они:
- во-первых, передаются и воспринимаются бессознательно (неосознанно). Невербальное общение, как правило, спонтанно и непреднамеренно. Мы обычно формулируем свои мысли в виде слов, наши же поза, мимика и жесты возникают произвольно, помимо нашего сознания. В настоящее время невербальное общение достаточно хорошо изучено и для достижения нужного эффекта с успехом может контролироваться. Однако мы можем контролировать часть параметров невербального общения. Но мы никогда не будем в состоянии контролировать все параметры, так как человек может держать в голове одновременно не более 5-7 факторов [5]. Таким образом, мы сообщаем гораздо больше, чем можем проконтролировать. Коммуникация определяется сознательным намерением адресанта сообщить нечто адресату. Бессознательное реагирование больше похоже на интеракцию – взаимореагирование на невербальные знаки;

- во-вторых, они не декодируются, а интерпретируются. И слово, и невербалика в равной мере обладают значением, однако если слово требует «декодирования» однозначного для всех, владеющих данным языковым кодом, то невербалика, напротив, поддается лишь той или иной «интерпретации», связанной с интуицией, культурным кругозором воспринимающего. Иными словами, не удовлетворяет классическому семиотическому постулату о взаимной предопределенности означающего и означаемого. То, что мы «говорим» с помощью взглядов, молчания, жестов, мимики, движения глаз, интонации, имеет бесконечное множество интерпретаций. И хотя часть невербального языка универсальна, – все младенцы одинаково плачут и смеются, – другая часть, например, жесты, различается в разных культурах.

Итак, наличие таких элементов действительности, которые остаются вне упорядоченности и вне дискретности, которые при-

крепляются к невербальным знакам, которые передаются и воспринимаются неосознанно и имеют бесконечное множество интерпретаций, как раз и обуславливает появление имплицитной паралингвистической реальности, которая «паразитирует» на лингвистической. Действительность распадается на вербальную и невербальную реальности, которые представляют её (действительность) посредством лингвистической и нелингвистической семиотических систем. «Наравне с логосферой (значения и смыслы социальных взаимодействий) в культуре можно выделить особый мир графических и живописных форм, воспринимаемых с помощью зрения – эйдосферу (от греческого слова эйдос – вид, образ)» [3. С.48]. Парадискурс – это визуальное или какое-либо иное (несловесное) выражение (представление) реальности. Парадискурс – это специфическая модель мира, которая представлена невербальной семиотической системой. Если дискурс может пониматься как совокупность любых языковых практик, в границах которых конструируется весь спектр значений и смыслов социальной реальности, то парадискурс – совокупность практик означивания, в границах которых конструируется весь спектр образов в сознании, которые вызывают ассоциации, влияют на чувства, мнения и поведение. Невербалика (взгляды, молчания, жесты, мимика, движения глаз, интонации) создаёт парареальность фантазмов, страхов, фобий, представлений, ассоциации.

В результате параязыкового воплощения действительность становится недискурсивной парареальностью, не менее значимой знаковой (семиотической) системой нежели дискурсивная, которая обладает специфическими свойствами:

- материальностью (чувственностью);
- зависимостью от вербальной;
- силой манипулятивного воздействия;
- паструктурностью.

Материальность. Если словесный язык предоставляет категории для интерпретаций (называния, именованя) явлений социального мира, то несловесный язык представляет формы, тела для выражения (передачи) содержаний. Парадискурс отличается от дискурса тем, что он материален. Это вполне материально-чувственная реальность, воспринимаемая органами чувств, не столько понимаемая, сколько ощущаемая. Однако это знаковая реальность. Знак всегда указывает на что-то: предмет, явление, понятие. Параязык представляет собой знаковую систему, с помощью

которой происходит объективация реальности. Знаки и знаковые системы являются объективациями, поскольку они доступны независимо от каких-либо субъективных состояний и установок.

Зависимость. Пара-реальность продуцируется активностью внешней по отношению к ней лингвистической реальности. Пара-реальность не является автономной, она паразитирует на лингвистической, надстраивается над ней (дополняет ее, искажает или замещает). Парадискурс существует актуально до тех пор, пока активна порождающая реальность. Отношения между параязыковой, недискурсивной и языковой, дискурсивной (базирующейся на возможностях образного мышления) моделями мира можно считать взаимодополняющими. Для наилучшей адаптации к социальной среде как важной части окружающего мира необходима взаимодополняющая активность двух типов мышления: образное обеспечивает многосторонность подхода, а вербальное – организацию творческого акта, ограничивает его потенциальную хаотичность и способствует критическому анализу.

Манипулятивность. Парадискурс осмысливается как специфический тип социального «письма», действенная форма моделирования действительности, которая обладает собственной силой смыслового воздействия. В феномене недискурсивной реальности мы усматриваем общественный механизм, обладающий такой же принудительной силой, как и дискурсивная реальность. Параязык, также как и язык, подчиняет индивида, поскольку последний всегда следует структурам его системы. Потребляя невербальные медийные тексты, человек получает некие «априорные» модели, образы, благодаря которым у него складываются устойчивые чувствования, эмоциональные предпочтения, неосознанные желания. Природа невербальной манипуляции состоит в наличии скрытого воздействия – посылаемое невербальное сообщение будит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Образы, как и слова, обладают суггестивным значением и порождают цепную реакцию воображения. Сообщение, «упакованное» в невербальные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека, поскольку воздействует через иной канал восприятия, нежели вербальное. Кара-Мурза различает «два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга – восприятие семантическое и эстетическое. Семантика убеждает, эстетика обольщает» [5.С.87]. Эффективность проникновения невербального сообщения в подсознание несрав-

ненно выше, чем у вербального сообщения, поскольку оно не убеждает, а «обольщает» (Кара-мурза) или «соблазняет» (Бодрийяр). В результате масс-медийный парадискурс своими неуловимыми и практически неосознаваемыми действиями структурирует познавательные модели сознания человека и тем самым символически конструирует его поведение. Невербальный масс-медийный дискурс является основным источником формирования социальных репрезентаций, общих мнений, моделей и мотивов индивидуальных действий, и тем самым задает базовые параметры конструирования всей символической среды социального взаимодействия.

Параструктурность. Парадискурс становится неотъемлемой частью предсознания человека. Эта недискурсивная социальная реальность предстает совершенно иным языком, нежели тот, который служит объектом изучения лингвистов. Это вторичный язык, единицами которого являются уже не монемы и фонемы, но образы (внеязыковые образования), а это значит, что семиология пытается проникнуть в невербализованные смыслы, содержания, которые не поддаются словесной презентации. Это уровень производства невербализованных или невербализуемых содержаний (смысло-образов), область стихийно протекающего, «иррационального» опыта, внеупорядоченности и внедискретности. Это параструктурная смысловая множественность до логико-вербальной переработки, параструктурированный семиотический продукт, который не может быть логически организован, упорядочен и представлен в дискретном виде, и который подчиняется определенным правилам, иными словами, вполне поддается рациональному анализу. Такие содержания (смысло-образы) напоминают динамический процесс «означивания» и кипящую магму «множественных смыслов» или «предсмыслов», образующих тот уровень произведения, который Барт назвал уровнем Текста, а Кристева – «гено-текстом». Фено-текст, по Кристевой, есть готовый, твердый, иерархически организованный, структурированный семиотический продукт, обладающий вполне устойчивым смыслом. За ним скрывается «вторая сцена», где происходит интенсивная семиотическая работа по производству фено-текстового смысла. Эту «вторую сцену» Ю. Кристева и назвала гено-текстом [6].

Невербальное общение структурировано иным способом, нежели вербальное. Язык выстраивает семантические поля и смысловые зоны, в организации которых помогают словари, синтаксис, грамматика. Параязык выстраивает семантические поля, однако,

без словарей, синтаксиса и грамматики. Не существуют общепринятые словари и правила компоновки (грамматика) жестов, мимики, интонации, при помощи которых мы в состоянии однозначно передать свои чувства. Если лингвистика склонна понимать язык как константную структуру, то параязык – это параструктура.

Обладая рядом таких специфических черт, недискурсивная реальность утверждает принципиально иную форму социальных взаимодействий, формирует иную модель/порядок/режим общения в обществе – не коммуникативное общение, а интерактивный контакт. Между отправителем и адресатами невербальных сообщений не может произойти рациональная коммуникация, а происходит непосредственная интеракция – они не сообщают и не воспринимают сознательно сообщение с целью понимания, что является необходимым условием коммуникации. Парадискурс парализует всякую способность к критическому анализу, а значит, исключает режим рациональной коммуникации и устанавливает порядок интерактивных контактов. Интерактивный порядок общения – это ситуация невозможности или нежелания говорить (использовать связную речь); ситуация однонаправленного взаимовоздействия; состояние «неответа» и «недиалога», ситуация не убеждения, а обольщения-сворачивания с эмоционально-чувственной акцентировкой, которая приводит к «бездумному приятию» информации, отсутствию альтернативного дискурса. Здесь задействуются ассоциативное мышление, метафорическое отношение к информации, Усвоение информации происходит без оценки и размышления над сообщаемым. Невербальный текст «соблазняет» потребителя, обращается не к аналитическим способностям, а к эмоциям, предлагает поверить в указанные процессы без их логического осмысления.

Вывод. Мир создается посредством языка во взаимодействии с другими людьми. Реальность оказывается слишком сложной и многозначной, чтобы быть полностью осознанной, усвоенной с помощью логико-знакового мышления. Она не всегда поддается структурированию, поскольку сама по себе не упорядочена и не дискретна. Невербализованные концепты, которые не могут быть логически организованы и представлены в дискретном виде, «перерабатываются» невербальным мышлением и находят выражение в нелингвистической семиотической системе. Наличие бесконечно разнообразных смыслов как раз и обуславливает расслоение единой действительности на дискурсивную (лингвистическую) и недискурсивную (паралингвистическую). Действительность распадается

ется на вербальную и невербальную реальности, которые представляют её (действительность) посредством лингвистической и нелингвистической семиотических систем. XX век показал немислимые ранее возможности знаковых систем, как средств власти. Особое место заняла невербалика, как одно из главных средств господства и социальной власти в современном мире.

Невербальные знаки отличаются от словесных тем, что они передаются и воспринимаются бессознательно, они не декодируются, а интерпретируются.

Действительность в результате невербального воплощения становится знакомой, узнаваемой, то есть – значимой знаковой (семиотической) системой – парадискурсом, условной парареальностью, которая характеризуется: материальностью (чувственностью); зависимостью от вербальной; силой манипулятивного воздействия; параструктурностью.

Глобальным рынком невербальных медийных технологий создаётся новая информационная (недискурсивная) среда, которая вызывает к жизни новые отношения, формы и способы общения между людьми. Обладая рядом таких специфических черт, недискурсивная реальность утверждает принципиально иную форму социальных взаимодействий. Общая направленность развития невербальных средств распространения информации состоит в утверждении нового интерактивного режима взаимоконтактирования вместо коммуникативного режима взаимопонимания. Интеракция – это эффективный и занимательный субститут коммуникации, связанной речи, как «одной из самых действенных форм сопротивления манипулированию и утверждения свободы мышления» [3].

Существует два способа, которыми люди описывают, интерпретируют или каким-либо иным образом делают для себя понятным этот мир (включая их самих). Либо с помощью коммуникации как «формы понимания мира» либо с помощью интеракции – формы чувственного взаимореагирования (взаимоконтактирования). Оба способа представляют собой формы адаптации к окружающей среде. Через дискурсивную модель объяснения мира человек «понимает» мир, через внедискурсивную – «контактирует».

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс. 1989, 616 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

**Секция 1. Конструирование смыслов социальной реальности
в структурах дискурсивности**

3. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
4. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 130 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000. 864 с.
6. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 114–135.

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Факультет социологии и философии
Кафедра философии

Научно-исследовательская школа
«Социальная онтология в аспекте герменевтики и конструктивизма»
Философский семинар «PROXIMA»

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ

В СТРУКТУРАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

30 — 31 мая 2014 года

Ижевск 2014

УДК 1:316
(063)
ББК 87.62я431
С 692

Редакционная коллегия:
Бушмакина Ольга Николаевна
профессор, доктор философских наук;
Полякова Наталья Борисовна
доцент, кандидат философских наук

Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы VI Международной научно-практической конференции 30 — 31 мая 2014 года /
С 692 Под общ. ред. О. Н. Бушмакиной, Н. Б. Поляковой. —
Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. —
548 с.

Настоящий сборник включает статьи участников V Международной научно-практической конференции 30 — 31 мая 2014 года «Социальная онтология в структурах теоретического знания», проводимой факультетом социологии и философии Удмуртского государственного университета, научно-исследовательским направлением «Социальная онтология в аспекте герменевтики и конструктивизма», философским семинаром «PROXIMA».

Материалы сборника представляют собой научный интерес для исследователей в области философии и гуманитарных наук, а также они могут быть использованы студентами, аспирантами, преподавателями в учебном процессе.

ISBN 978-5-4312-0288-9

УДК 1:316(063)
ББК 87.62я431

© Авторы статей, 2014
© Составители: Бушмакина О. Н., Полякова Н. Б. 2014
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРАХ ДИСКУРСИВНОСТИ

Демин И. В. Либеральная модель социальной реальности в консервативном дискурсе	8
Довгань А. В. Конструирование смысла в контексте социальной онтологии	16
Зинченко В. В. Индетерминация рациональности в перспективах глобальных институциональных общественных трансформаций	24
Иванова О. Э. Конструирование смыслов в континууме коммуникации	36
Махкамов К. О. Роль социологических методов и функций в формировании исторического сознания	41
Москаленко М. Р. Взаимоотношения между наукой и религией в дискурсивном поле социальной реальности	47
Муллер Л. А. Конструирование философско-онтологических смыслов в сказке	51
Обухов К. Н. Идентификация субъектов в социальном пространстве «между» в философии Ж.-Л. Нанси	57
Разина Ю. Н. Индивиды-незнакомцы: выход за границы самого себя	65
Сахарова А. В. Конструирование коммуникативной реальности: к вопросу о роли языковой личности	70
Сюткина И. С. NATIONAL MEMORY WITHIN A TRANSNATIONAL MEMORY FRAMEWORK	79
Тимощук Е. А. Структуры дискурсивности: генезис, функции, методология познания	83
Шпакова А. В. Конструируемая составляющая концепции информационного общества	95
Юрkevич Е. Н., Лаптинова Ю. И. Конструирование парареальности невербальными средствами	100
Яркеев А. В. Социальное зло в дискурсах объективации и субъективации	109

СЕКЦИЯ 2. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИА-РЕАЛЬНОСТИ

Дорожкин Е. Л. Субъект медиа-реальности	120
Шадрин А. А. Возвращение к вопросу о происхождении языка в онто-лигвистике Л. С. Липавского	122
Штайн О. А. Цифровой режим времени	132

**СЕКЦИЯ 3.
КОНСТИТУИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ
В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Баева Л. В. Фронтир на Юге России: критерии и реалии	139
Ставропольский Ю. В. Институциональная идентичность и социологический конструктивизм	143
Ромашенко М. А. Онтологические основания социальной идентификации	155

**СЕКЦИЯ 4.
СТРУКТУРЫ ПОЛЯ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Бушмакина О. Н. Бытие социального в пространстве фатической коммуникации	161
Дерябин М. Л. Пневматическое сообщение тела	170
Паршикова Г. В. Философское обобщение лингвистических, информационных, биологических подходов к сознанию	175
Сидорков С. С. Роль особого категориально-понятийного аппарата новых религиозных движений в процессе десоциализации личности	178
Скобелева В. В. Отношение дискурсивного и недискурсивного пространств как граница условности различных дискурсов	182
Тюгашев Е. А. Философия волхвов в социокультурном поле российской философии	189

**СЕКЦИЯ 5.
БЫТИЕ ЦЕННОСТЕЙ В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Буряк А. А. Бытие иллюзий в качестве ценностей в структурах социального пространства	200
Василькова С. Н. Предпосылки философского понятия в учении Гегеля	210
Гущин Ю. Г., Сутягина А. Ю. Запад – Россия – Восток (к проблеме ценностей в социальных структурах)	221
Дружинина И. А. Формирование системы ценностей на сознательном и подсознательном уровнях	236
Емельянов А. В. Проблема отражения гедонистических ценностей в постмодернистских теоретических концепциях	240
Кардинская С. В. Этнические ценности современных иммигрантов: определение направления исследования	253
Лященко М. Н. Смертная казнь как деструкция социально-правового пространства	260
Мирзахмедов А. М., Дехконова С. Э. Духовность как базовая ценность гражданского общества	265

Мусийчук М. В. БЫТИЕ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ КОМИЧЕСКОГО	269
Семенов А. И. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА ДУХОВНОСТИ	279
Симомян Л. Д. О ДИНАМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТРАДИЦИИ И МОДЕЛЯХ ЕЕ ПЕРЕМЕНЧИВОСТИ	285
Черепанова М. В. РОЛЬ МОРАЛЬНОГО ДИАЛОГА В РАЗВИТИИ КОММУНИТАРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	296
Шлюндт С. А. АКСИОСФЕРА ЭКОЛОГИИ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	305

СЕКЦИЯ 6.

БЫТИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СМЫСЛОВ В СТРУКТУРАХ ЭТНИЧНОСТИ

Дик П. Ф. БЫТИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО КАК СО-БЫТИЕ	313
Кушаев У. Р. МЕСТО ХАДИСОВ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХАДИСОВ О ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ)	322
Матвиенко В. А. КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	327
Скосарь В. Ю. СВЯТАЯ ТРОИЦА — ИСТОЧНИК КОСМИЗМА ПРАВОСЛАВНЫХ НАРОДОВ	334
Филькин К. Н. РЕПЛИКАЦИЯ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ В РАННЕМ БЕНГАЛЬСКОМ ВАЙШНАВИЗМЕ	344

СЕКЦИЯ 7.

БЫТИЕ ПОЛА В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОСТИ

Семенова В. Э., Семенова Л. Э. ФЕМИННОСТЬ И МАСКУЛИННОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ: ОТ КОНЦЕПЦИИ АНДРОГИНА ДО ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ	352
Шадрихина И. А. АНДРОГИННОСТЬ И БЕССМЕРТИЕ В СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ З. ГИППИУС И М. ЦВЕТАЕВОЙ)	360

СЕКЦИЯ 8.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Акчулпанова Р. К. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	368
Белоусова Ю. В. МАСКИ РЕАЛЬНОСТИ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ О.А. ШТАЙН «МАСКА КАК ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ»	372
Волошин Д. А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ «ИМПЕРИИ» И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	377
Мелкая М. В. КАТЕГОРИЯ СТЫДА В РАЗМЫШЛЕНИЯХ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА	386

Мирзахмедов Х. А. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	389
Соукупова Б. СОВРЕМЕННАЯ ЧЕШСКАЯ НАРОДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – ЧЕШСТВО КАК МИРОВАЯ ВЕЛИЧИНА	393

**СЕКЦИЯ 9.
СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРАХ ПОТРЕБЛЕНИЯ**

Злотникова Л. М. КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПОТРЕБЛЕНИЯ	402
Кондрашов П. Н., Кручинина А. В. ТОТАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НА ОБЛАДАНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ	412
Кунафин М. С. ФУТУРОЛОГИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ	423

**СЕКЦИЯ 10.
КОНЦЕПТ «ПОЛИТИКИ» И «ВЛАСТИ»
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНСТРУКТАХ**

Бочаров А. В. ОНТОЛОГИЯ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ОТГОЛОСКОВ МАРКСИЗМА К ТЕОРИИ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА»	429
Вершилов С. А. СТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА	439
Гнатышин И. Ю. КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАК ВЫРАЖЕНИЕ БЫТИЯ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ	450
Еремеева В. Ф. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЙ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	459
Салиев Р. С. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА	468
Скрынник В. Н. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ. ИМИТАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	473
Шарапов Р. И. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	482

**СЕКЦИЯ 11.
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВЫХ ТЕОРИЙ**

Пырина М. В. ОНТОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНО- СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ СВОБОДЫ	488
Тимощук А. С. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ	498
Щенина Т. Е. К ВОПРОСУ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ЖЕНЩИН	511

**СЕКЦИЯ 12.
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Ганина С. А. Социально-философские проблемы феномена детства в России	519
Канаева Л. В. Эффективность высшего образования в России	529
Коровин Р. В. Педагогические модели формирования личности выпускника военного вуза	535
Ломако О. М. Генеалогия европейского педагогического дискурса: социально-философский анализ	538
Соловьева М. К. Индивидуальное консультирование в нарративной и тьюторской практике в образовательном процессе	545